

Е.А. Агеева

**Старообрядческая "полоса"
Михаила Кузмина : по дневникам
писателя 1905-1907 годов**

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/1, 181-188

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Е. А. Агеева
МГУ имени М. В. Ломоносова / Москва

Старообрядческая „полоса” Михаила Кузмина (по дневникам писателя 1905–1907 годов)

Ключевые слова: Михаил Кузмин, старообрядцы, русская традиционная культура
Keywords: Mikhail Kuzmin, Old Believers, Znamenny Chant, Russian traditional culture

Михаил Кузмин (1872–1936) в к. XIX – нач. XX вв. пережил сложный период глубокого погружения в русскую традиционную культуру и старообрядчество, о котором уже 10.09.1905 г. в дневнике заметил: «Собственно говоря, спокойнее, счастливее и уютнее всего мне было в мою раскольничью – русскую полосу».¹ Вместе со своим другом Георгием Чичериным он изучал древнюю систему записи церковных песнопений под руководством выдающегося знатока С. В. Смоленского, писал стилизации старообрядческих духовных стихов². Цельно и светло звучит духовный стих, датированный по нотному тексту 20 апреля 1901 г., наполненный и представлениями о ладе древней Руси и достоверными реалиями старообрядческой жизни:

...Разорили житье богатое,
Да не извели веры правья.
Там три брата росли родные
В старой вере дедовской
И все страду приняли:
Старший, Кирилл, на Кавказ угнан,
Средний, Степан, на каторгу,
Младший, Никитушка, сидит он в Суздале
В монастыре во Спасовфимьевом.
Полететь бы соколом

¹ Кузмин Михаил. Дневник 1905–1907. СПб, 2000, с. 39. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² РГАЛИ. Ф.959. Оп. 1. Ед. 4. Духовные стихи. Посвящается В. Князеву. Для голоса и фортепиано.

На север, за три озера,
 Да высоко окно монастырское,
 Крепка решетка железная,
 А сердце неуголимое,
 А думы неударжимые.³

В то время он носил поддевку, картуз и сапоги, отпустил бороду, придавая внешнему виду важное смысловое значение. Много позже в театральной рецензии он заметит: «Всем известно, как влияет, не только на настроение, но иногда на более широкую и длительную область психики, на наши слова, движения, даже поступки, костюм, а для людей особенно чувствительных выбриться, или причесаться, значит уже стать другим»⁴. Лето проводил в небольших городках, странствовал по Олонецкой губернии, возможно, жил в строгом череповецком скиту Вологодской губернии. О нем ходило множество легенд. Известно, что в конце жизни Кузмин считал себя знатоком лишь гностицизма, музыки в период между Бахом и Моцартом и флорентийского кватроченто, но его смело можно причислить к кругу посвященных в тайну Старой Веры, хотя старообрядческих корней поэт не имел, о чем он сам убедительно свидетельствует в дневниковой записи 20 ноября 1906 г. (с. 267).

Не смотря на публикацию дневников писателя и его эпистолярия, тонкий и подробный комментарий к ним, тем не менее, до сих пор, прежде всего в Сети, бытует мнение о старообрядческом происхождении Кузмина, источником которого, возможно, послужило необоснованное мнение известного психолога Игоря Кона, считающего, «что воспитанному в строго религиозном старообрядческом духе мальчику было нелегко понять и принять свою необычную сексуальность».⁵

Ведущим исследователем творчества писателя Н. А. Богомоловым, а также М. П. Рахмановой⁶, В. В. Перхиным⁷ высказано ряд наблюдений о годах увлечения старообрядчеством Кузмина⁸. В тоже время относительно малый круг источников, отсутствие знаний даже о сочувствии тому или иному старообрядческому согласию, не позволяют создать достоверный конфессиональный портрет писателя. Да и вряд ли это

³ Кузмин Михаил. Стихотворения. Из переписки. Москва, 2006, с. 14.

⁴ Кузмин Михаил. Влияние костюма на театральные постановки, [в:] Проза и эссеистика в 3-х тт. Т.3. Эссеистика. Критика. Москва, 2000, с. 436.

⁵ Кон И.С. Голубые тени Серебряного века, [в:] Люди Лунного Света. № 6. 2002. Персональный сайт И.С. Кона.

⁶ Рахманова М. П., Послесловие, [в:] Музыкальная академия. 1992, № 3, с. 41–44.

⁷ Перхин В.В., Русская литература в письмах [1905–1985]. СПб., 2004, с. 24–27.

⁸ Богомолов Н. А., Мальмстад Джон Э., Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. Москва, 1996, с. 51–65.

возможно для поэта Серебряного века. Александр Эткинд называет Кузмина «религиозным искателем», идентификация которого менялась под влиянием внешних обстоятельств⁹. С этим можно согласиться лишь отчасти. Записи его дневника, дополненные сюжетами эссеистики, духовных стихов, повестей, переписки позволяют говорить, что погружение писателя в старообрядчество было настолько глубинно, познания столь широки, понимание и усвоение традиции всеобъемлюще, что нельзя говорить как о простом увлечении. Кузмин сам отмечал и свой особый склад личности, проявившийся уже в детстве, склонный к четкости, последовательности, углубленности, что созвучно старообрядческому традиционному строю¹⁰. Но, конечно, для Кузмина в мире старообрядчества дорого было, прежде всего, искусство: иконопись, церковные книги, о которых он не раз упоминает в записях, а также песни, сказки, хождения, церковное единогласное пение, прикладное искусство. «Вот что вполне может удовлетворить и удовлетворяет естественные художественные потребности нормального человека, не говоря о поэтических сторонах обряда, о природе и непревосходимой красоте церковной службы» – заключает поэт.¹¹

Кузмин, глубоко сочувствующий старой вере, исповедует своеобразный «экуменизм». Будучи тесно связанным, как с поповцами, так и с беспоповцами, поэт ходил, видимо, на церковные службы и к тем, и к другим а также и в синодальные храмы, что позволяло более утонченно понять особенности традиции, но, с точки зрения канона, недопустимо. Его современники также «допытывались» с кем он молится, предполагали, что Спасова согласия, хотя в Петербурге не было такой моленной (с. 75–76). Сам он восклицает: «Когда же я попаду в единов<ерческую> церкву?» (с. 97). Все же судя по упоминаемому Кузминым кругу имен, архиеп. Иоанна Картушина, Анисима Швецова, в последствии еп. Арсения Уральского, будущего митрополита, писателя еп. Иннокентия Усова, отмеченного в «Крыльях»: «да как же есть и архиереи, светского не чуждающиеся, из ваших же, например, владыка Иннокентий»¹², о. Василия¹³, поэт был более близок к последователям старообрядческой

⁹ Эткинд А. Хлыст. Москва, 1998, с. 303.

¹⁰ Богомолов Н. А., Мальмстад Джон Э., Указ. соч., с. 62.

¹¹ Там же, с. 64–65

¹² Михаил Кузмин. Крылья, [в:] Проза и эссеистика в 3–х тт. Т.1. Проза 1906–1912 гг. Москва, 1999, с. 107. В этой повести приобщение героя к новым ощущениям происходит в том числе и через старообрядцев. Комментаторы не верно идентифицируют личность епископа Иннокентия, называя его одним из иерархов синодальной церкви

¹³ Свящ. Василий Космачев более 20 лет служил на Громовском старообрядческом кладбище.

Белокриницкой иерархии – наиболее многочисленной и известной, носящей в настоящее время имя Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) с центром в Москве на Рогожском кладбище.

Тема Старой веры не оставляет поэта ни в церковной жизни, ни в творчестве, даже если его занимали уже совсем другие идеи. Задумываясь о написании оперы, «то из времен [боярыни Феодосии – Е.А.] Морозовой» (с. 77). Посещая церковную службу в Смольном соборе, он невольно сопоставляет её со старообрядческой, отмечая, что пение звучит как в концертном зале, в то время как «в скитах голоса отскакивают от стен в голову и есть впечатление интимности» (с. 97). В дневниках прослеживается старообрядческий текст Петербурга: упоминаются, старообрядцы- торговцы древностями, прежде всего Казаков, «плутоватый, вечно строящий планы»¹⁴ – как пишет о нем Кузмин, известные иконописцы Тюлины, старообрядческие центры столицы – моленные на Охте и Коломенской, Чубыкинская богадельня, «исторический отнятый у старообрядцев» Деисус в часовне у Гостиного двора» (с.132), неоднократно Громовское кладбище, на котором 22.11.1905 г. Кузмин встретился с владыкой Иннокентием в Петербурге, на «старообрядческом митинге», «где происходило что-то неподобающее. Председателями сами наскочили студенты Полетаев и Мерзлодоков, программу установили явно демократическую, нежелание возвращаться к «старому режиму», чтобы всякая баба подавала голос, – и все попечители, владыка Иннокентий, Голубин¹⁵ выслушивали эту белиберду» (с. 73). Упоминания о митингах и об участии старообрядцев в политических акциях того времени открывают малоизвестную, даже для старообрядцев страницу участия последователей старой веры в событиях 1905 г. Старообрядцы, стремившиеся только к свободе вероисповедания, участвовали в политике формально. И это точно подметил Кузмин: «со старообрядцами выходит какая-то путаница. Борьба честолюбий, городов и т.д. Обе стороны на них надеются, а они голубчики, получив свободу, надуют, я думаю, обеих» (с. 70). В петербургском университете, а позднее и в Москве поэт виделся со знаменитым архимандритом Михаилом Семеновым, профессором Санкт-Петербургской академии, впоследствии старообрядческим епископом Канадским (с. 275, 510).

¹⁴ Ненадёжность Казакова находит подтверждение и во мнениях из строго старообрядческой среды. Так известный деятель Белокриницкой иерархии Я.А. Богатенко 17.01. 1908 г. пишет в своем письме к отцу – еп. Александру, находящемуся в Петербурге на заседаниях Государственной Думы по старообрядческому вопросу: «Не увидите ли Казакова? Не платит 2 года 6 руб. и не отвечает» – РГБ. Ф.246. К.214. Ед.21. Л. 140 об.

¹⁵ Петр Голубин – известный, многолетний деятель старообрядчества в Петербурге, попечитель Громовского кладбища.

Знаком Кузмину был не только град Петров, но и древний Псков: „старинные церкви, единоверческая, поморская моленные» (с. 69), тихие старообрядческие поволжские города, нашедшие поэтическое отражение в вокальном цикле «С Волги», наполненном старообрядческими аллюзиями¹⁶. На самом деле старообрядчество поэта было важной составной частью его Святой Руси, которую поэт искал и не находил в окружающем мире. «Я теперь с болезненным и страстным интересом у всех расспрашиваю про кулачные бои и моленны» – записывает Кузмин в 27.01.1906 г. (с. 105), то есть о былой удали и вере, что составляло суть русской древности.

Дневники писателя 1905–1907 гг. передают эволюцию душевного мира Кузмина, вначале еще до известной степени гармоничного, когда образы и реалии прежней жизни сочетаются, встраиваются в его личные переживания, изредка создавая своего рода идиллию. Так, принимая своего друга, внезапно уснувшего, Кузмин читает «Лимонарь» – жития святых, зажигает лампы, смотрит на образа, и у него возникает ощущение «будто Пасха» (с. 29). В тоже время созерцание из окна частицы Невы, церквей и деревьев на Охте и далёкого горизонта, наводят его на «мечтательную, хотя и не без приятности, печаль. И Охта с заведомо там находящейся поморской моленной и даль к Ладожскому озеру будят во мне мысли и воспоминания, живучести которых, не знаю, радоваться мне или страшиться, [то есть] ресурс или опасность, что я могу опять стать на прежнюю точку зрения, но неискоренимы во мне и потребность в лёгкой земной жизни, всемирности, культуре и солнце» (с. 35).

16 августа 1905 г. Кузмин сбрасывает бороду и усы. Вспомнив замечание доктора: «очень редко бывает такая чувствительная эпидерма», задумывается: «Может быть, это влияет и вообще на восприимчивость?» (с. 45). 24 сентября, гуляя по Морской, и увидев свое отражение в зеркале, стараясь его воспринять как постороннее, действительно увидел господина с черными глазами за золотыми пэнснэ, с бритым подпудренным подбородком, <...> суховатым ртом, лицом, которое что-то таит и скрывает, идеальный аскетизм или порочность, новое учение или шарлатанство. Ничего подобного не было видно с бородкой <...>; с большой винчиевской бородой ещё лучше бы» (с. 46). Эта была очередная попытка преображения. Но повсюду он подмечает «приметы милой старины». Так, посещая Историко-художественную выставку русских портретов, устроенную Дягилевым, он отмечает, что Васнецов, Ге, Крамской – «как это все устарело!» И наш XVIII в. какой-то все-таки грубый, лакейский».

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 959. Оп. 1. Ед.5. «С Волги», «Светелка», «Поясок», «Ночная молитва», «Перед Пасхой» и др. Сборник песен. Для голоса и фортепиано.

Но для него «интереснее всего Никон с клиром XVII века (лучшая сатира, причем невольная)» (с. 47). В сумятице политических неустройств октября 1905 г. он явственно чувствует, что «все рассказы, хвастовство, демократов, сознание бессилия других партий противны до последней степени <...>. Я страшно устаю и с какой – то любовью думаю о Лескове: там свет, теплота, уютность. «...». Лампада перед старинной иконой, долгая всенощная, далекий скит в снежном бору, яркое летнее утро в праздник над рекой, пение девушек за шитьем в яблоневом саду: напрасно к вам стремится ухе не могущая обнять вас моя душа». И далее о Петербурге: «О противный, трижды противный, суеющийся политический и без красоты политический, дождливый город, ты хорош был бы только заброшенным» (с. 59). Революционная напряженность, хроническое безденежье, часто отсутствие понимания со стороны петербургской богемы и интеллигенции, в круг которых он только начинает входить, приводят Кузмина к выводам о принципиальном несходстве с миром: « Мои замыслы, мои вкусы не поймут, быть может, и средние интеллигенты, и мне с ними скучнее, чем с совсем простыми «черносотенными» людьми. Если бы я был нерасщепленным, с восторгом бы поборолся за старое, и, отвернувшись к стенке от непреложно долженствующего прийти, умер бы, думая о колоколах, жаркой горенке, бане и морозах». Но я потерял тот рай и не верю в вновь избранный, который я временами пророчески чувую...» (с. 61).

Напряжение достигает такой силы, что он записывает в дневнике 25 октября: «Я должен быть искрен [так! – Е.А.] и правдив, хотя бы перед самим собою, относительно того сумбура, что царит в моей душе. Но если у меня есть три лица, то больше ещё человек во мне сидит, и все вопиют. И временами один перекрикивает другого и как я их согласую, сам не знаю?» (с. 61). Но нахлынувшие воспоминания и проникновенная проза Лескова – «сокровищница русской речи, которую нужно бы иметь настольной книгой наравне со словарем Даля»¹⁷ – снова и снова возвращают Кузмина в святую Русь: «И какая тишина и счастье спускается на меня при повороте к старому курсу». И Кузмин вновь растит бороду, и мечтает: «Снять бы мне квартиру или комнату или комнату на Охте, на Боровой. Теплую, с клопами, зажечь лампадки, покупать провизию, есть постное и жить. Ах, Углич, Москва, русские города! Сегодня, как виденье, видел за Невой, в этом месте обрусевшей, не петровской, зеленые дома Охты, баржи с хлебом, заборы, длинные одноэтажные бани в Калашниковском переулке...» (с. 62). Озабоченный судьбой России, охваченной

¹⁷ Кузмин Михаил. О прекрасной ясности. Заметки о прозе, [в:] Проза и эссеистика в 3-х тт. Т. 3, с. 8.

очередной смутой, он видит два пути ее развития: или обновление монархии или возврат к заветам старины: «Как царь не понимает, что прекрасно или возможно или продлить жизнь и власть, став демократическим, мирским монархом (в последнем случае Кузмин – применяет старообрядческую терминологию – Е.А.), или романтично стать во главе гольтубы, черносотенцев, гвардейских опричников, попов из тех, что старого закала, с деньгами, староверов (заем правительству они не покроют, но царю лично дали бы), запереться где-нибудь в Ярославле и открыть пугачевщину по Волге, вернув на время при московских колоколах власть, погибнуть прекрасно и удивительно?» (с. 63). Этот утопический проект, бесспорно, отражает «расщепленность» самого писателя. Но какая обеспокоенность, какая неизбывная тревога о судьбе дорогой ему России звучит в словах поэта: «Вспыхнет ли ярко Россия, не обвиняя ни ту, ни другую сторону в вине открыто желательного беспокойства, через огонь и кровь, закалившись, новой Россией выйдет? Или все потонет в скрытых, не открытых репрессиях, ребяческих обманных требованиях того да другого, салонном фрондерстве и парламентской болтовне?» (с. 65).

До августа 1906 г. Кузмин все еще обособлен от петербургского художественного общества, но именно в этот период идет работа над произведениями, определившими начало его творческого пути – циклом «Александрийские песни» и повестью «Крылья» (1906). Уединенность, внутренняя сосредоточенность были в то время органической потребностью писателя, усвоенной в мире старообрядчества. 14 января 1906 г.: «На меня напало уныние от обилия предстоящих посещений, и стал вздыхать о келейности» (с. 100). Не раз, отложив визит или посещение театра, он, затворившись в комнате у лампы, читает любимого Лескова.

Успех его произведений, всплеск творчества, наконец, сложившийся круг общения, надолго, практически навсегда уведут поэта в его мир солнца или рай, в дальнейшем разрушенный как невозможный на земле. Но в душе поэта всегда жил духовно возвышенный и художественно насыщенный мир Древней Руси, сохраненный и запечатленный

старообрядцами, и тонко им воспринятый и раскрытый на разных этапах творчества.

Mikhail Kuzmin and Old Believers' page of his life

At the turn of the 20th century, i.e. at the time of considerable public interest in the Old Believers, the poet Mikhail Kuzmin (1872–1936) went through a difficult period of deep immersion in the Russian traditional culture. Kuzmin studied Znamenny Chant, wrote religious poems imitating Old Believer lyrics, and visited remote monasteries of the Old Believers and prayers in St. Petersburg. This article is based on the poet's diary. It examines the state of mind of the poet who was interested in both modern and ancient times. Kuzmin compared his life with the Russian traditional world. He was concerned about Russia's future and its survival. Further, the success of his work, creativity and a wide circle of friends connected the poet with modernity forever. However, the poet always kept in his soul a spiritually elevated and artistically rich ancient world, preserved and sealed with the Old Believers.